
Андрей Канавициков

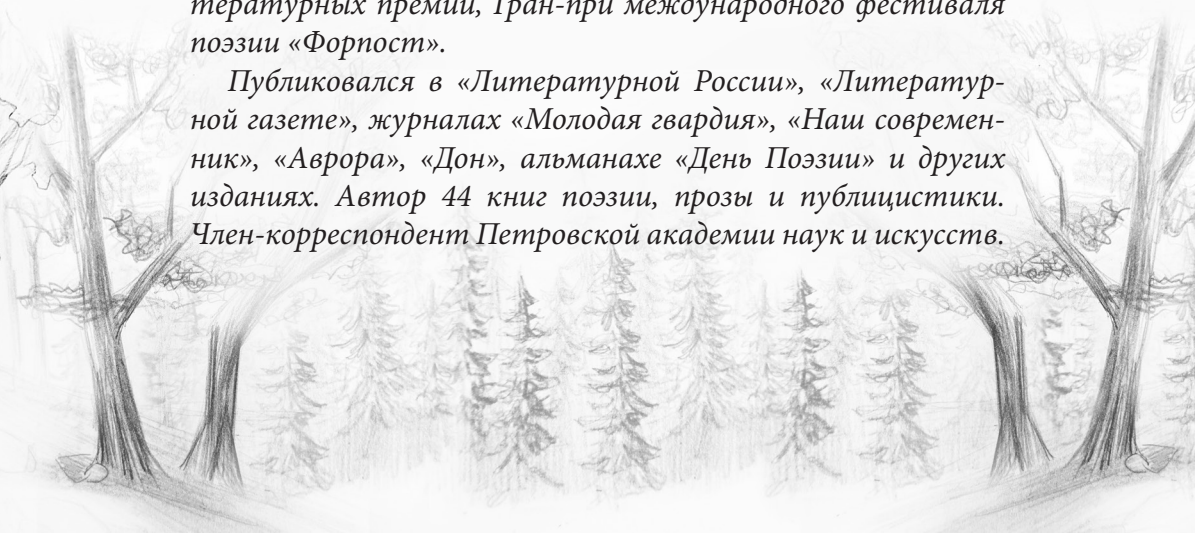


Андрей Канавициков

Родился в 1968 году. Окончил факультет журналистики Ленинградского государственного университета. Заместитель председателя правления Псковского регионального отделения Союза писателей России, председатель литературно-художественной творческой группы «Рубеж».

Лауреат международных, всероссийских и областных литературных премий, Гран-при международного фестиваля поэзии «Форпост».

Публиковался в «Литературной России», «Литературной газете», журналах «Молодая гвардия», «Наш современник», «Аврора», «Дон», альманахе «День Поэзии» и других изданиях. Автор 44 книг поэзии, прозы и публицистики. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.



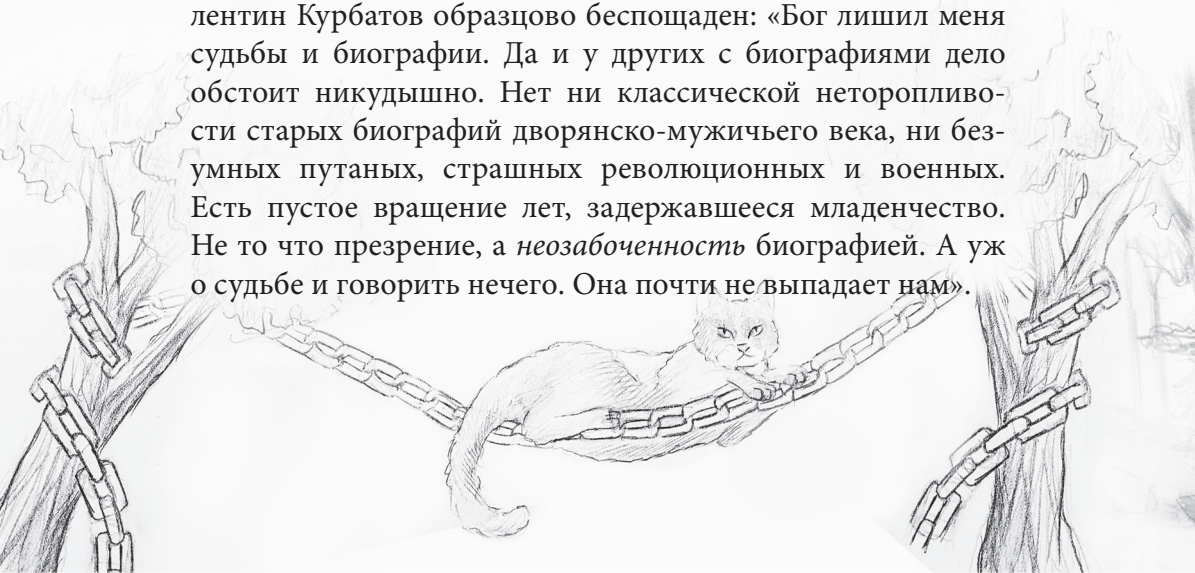
Андрей Борисович живёт и работает в г. Великие Луки. В 2008 году входил в состав делегации Псковской области по получению в Кремле грамоты «Города воинской славы», когда это почётное звание было присвоено городу Великие Луки.

Член президиума Великолукского местного отделения ДОСААФ России им. Героя Советского Союза И. Н. Селягина. Является членом Общественного совета при ОМВД России по г. Великие Луки и Общественного совета по вопросам историко-культурного наследия при Комитете культуры администрации г. Великие Луки. Автор предисловия к третьему тому историко-документальной книги проекта «Солдаты Победы», член редакционно-издательского совета проекта «Великолукская книга».



И СУДЬБА, И БИОГРАФИЯ

В своём «Дневнике» в записи от 18 января 1975 года Валентин Курбатов образцово беспощаден: «Бог лишил меня судьбы и биографии. Да и у других с биографиями дело обстоит никудашно. Нет ни классической неторопливости старых биографий дворянско-мужичьего века, ни безумных путаных, страшных революционных и военных. Есть пустое вращение лет, задержавшееся младенчество. Не то что презрение, а *незабоченность* биографией. А уж о судьбе и говорить нечего. Она почти не выпадает нам».



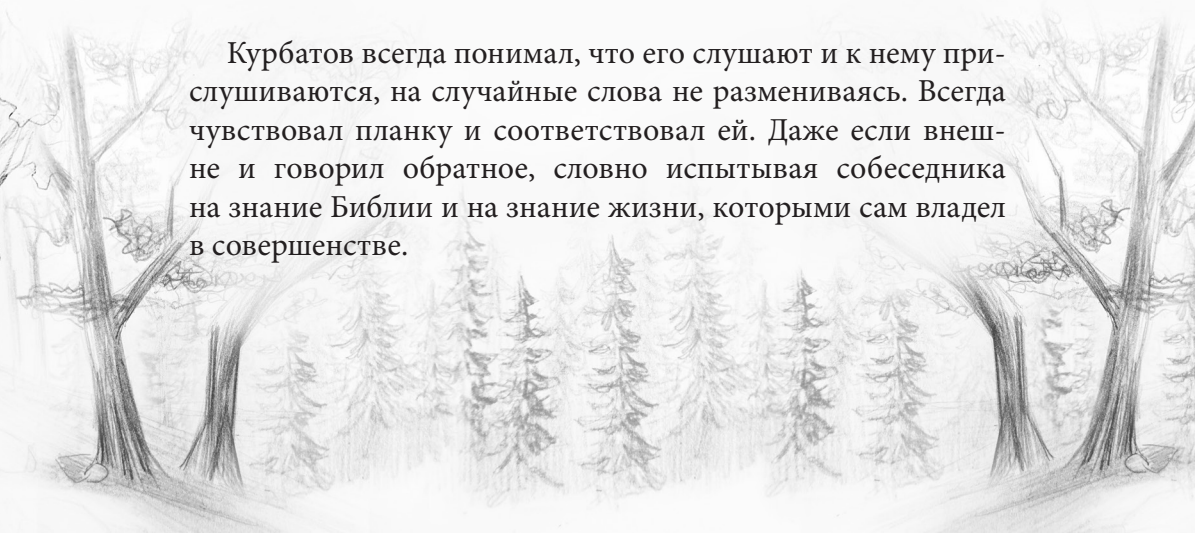
Самое показательное, что подобные откровения на грани распахнутости души и оголённости нервов – не исключение из правил, а норма для Валентина Яковлевича. Он всегда был публичным человеком, всегда, даже выходя на улицу за хлебом, одновременно ожидал интервью или встречи. И при этом умел быть до предела личным, «своим», находя для каждого индивидуальные слова.

И при этом умел не врать, не вытворять словесных реверансов, если что-то не нравилось. Тот же «Дневник» (дневник и одноимённая книга, вышедшая в 2019 году в московском издательстве «Красный пароход»), запись от 13 декабря 2009 года:

«Читаю Г. Адамовича и вижу всю вялость своих текстов. Дивлюсь его ясности, правде, умной простоте. И это кажется так легко, так естественно. Но естественно, когда в тебе есть отвага правды. А мы заврали литературу “по знакомству”. Неудобно не похвалить товарища, хотя всё в тебе восстаёт. Или хоть сказать ему замечание. Пусть хоть дома, не публично. “Ранимые” мы стали и ставим “милосердие” дороже правды. А в результате оказываемся посреди обоих нас возмущающей “третьей литературы”, которую сами своим враньём и породили».

Камертон обозначен

Курбатов всегда понимал, что его слушают и к нему прислушиваются, на случайные слова не размениваясь. Всегда чувствовал планку и соответствовал ей. Даже если внешне и говорил обратное, словно испытывая собеседника на знание Библии и на знание жизни, которыми сам владел в совершенстве.



Пушкин жив

Конечно же, у Валентина Яковлевича в наличии и судьба, и биография. Обе – яркие, богатырские. Даже уход его подтверждает это уверенно и однозначно, когда смерть становится подлинным символом.

6 марта он побывал с утра на службе по поводу Мясопустной родительской субботы, причастился Святых Тайн. Вернулся домой. Ближе к 13 часам отправился за букетом цветов для своей Инны Фёдоровны. И не вернулся. Как говорит председатель Псковской писательской организации Игорь Смолькин: «До подъезда родного дома оставалось каких-нибудь сто-двести шагов».

Почти как отсылка к поэме Роберта Рождественского «210 шагов». Шаги вроде бы по другому поводу, но такие же весомые и важные. Что ни шаг, то с постоянной внутренней мотивацией и тем содержанием глубокой исторической логики, что нам всем ещё долго-долго придётся расшифровывать и постигать.

Разбираю сейчас бумаги личного архива. На глаза попадает поздравление с 80-летием.

2019 год. Ни одного слова не хочется ни изменить, ни поправить. Что есть – то есть.

«Дорогой Валентин Яковлевич!

Великолукское представительство Союза писателей России и литературно-художественная творческая группа “Рубеж” от всей души поздравляют Вас со славным юбилеем, который одновременно является праздником всей читающей России!

Невозможно представить литературную Псковщину без Вашего умного, тонкого, ироничного, яркого и всегда глубокого Слова, без Вашей кропотливой работы по утверждению лучших идеалов Русской Литературы в нашей ежедневной суеде и суемысли. Вы фактически и являетесь



сейчас лучшим воплощением псковской словесности в России и мире, по Вам равняются, у Вас учатся, с Вами сверяют свои часы вот уже несколько поколений литераторов нашей страны.

Пусть так будет и впредь! И мы уверены, что на всё необходимое у Вас хватит и времени, и сил, и душевной широты!

Если Вы есть, то и за наличие псковской литературы беспокоиться нечего!

Быть добру! Самого светлого и лучшего, что себе желаете!»

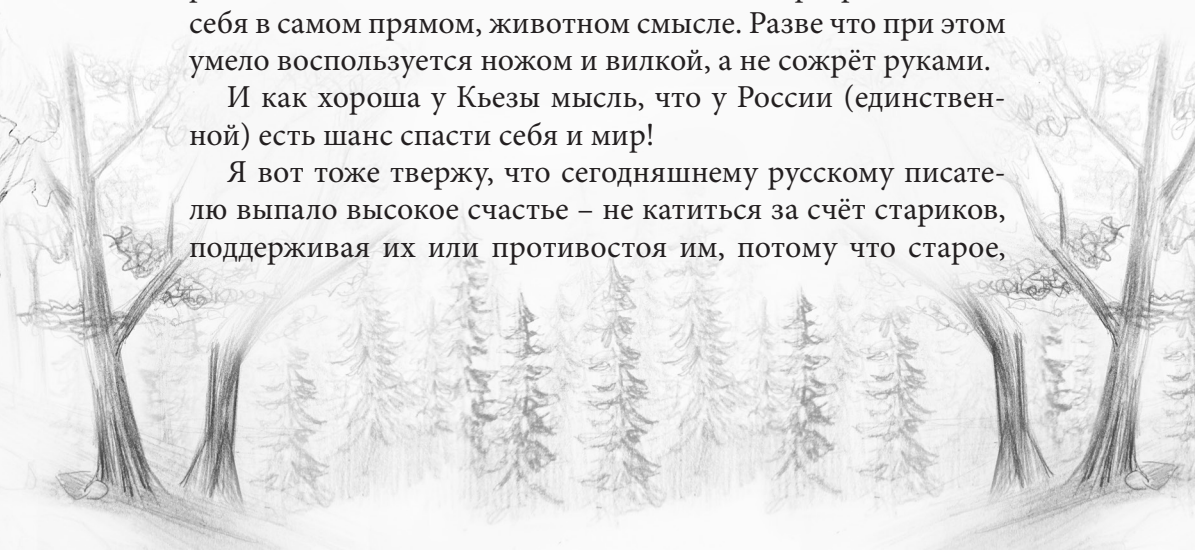
Къеза зацепил

Казалось бы, рядовая переписка. Что Курбатову мои письма – не спонсора, не издателя?! Однако же всегда отвечал, реагировал, не боялся даже дискуссий, если тема соответствовала.

Например, мы спорили о статье Д. Къезы в газете «Завтра». Валентин Яковлевич утверждал в письме от 22 мая 2019 года: «Старик Къеза вон ещё верит в силу блогов и знает “правила вербовки” сторонников, а я только вижу поражение мира, но не знаю, как сказать дураку миру, что он стоит на последней ступени, паразитируя на том, что ему досталось от истории и не собираясь продолжать эту историю – то есть хоть за что-то отвечать. Мир просто съест себя в самом прямом, животном смысле. Разве что при этом умело воспользуется ножом и вилкой, а не сожрёт руками.

И как хороша у Къезы мысль, что у России (единственной) есть шанс спасти себя и мир!

Я вот тоже твержу, что сегодняшнему русскому писателю выпало высокое счастье – не катиться за счёт стариков, поддерживая их или противостоя им, потому что старое,



Пушкинские змеи

наследованное ушло безвозвратно и мы впервые оказались не дома в России, а в мире, куда нас вывезли насильно без средств и опыта, а впервые осмысленно креститься со своими двумя высшими образованиями – экономическим и юридическим – и войти в небесное пространство с пониманием, что другого пространства нет, и **ВПЕРВЫЕ** поднять слово к свету и услышать его в первоначальной полноте значения. Вернуть миру “плотность”.

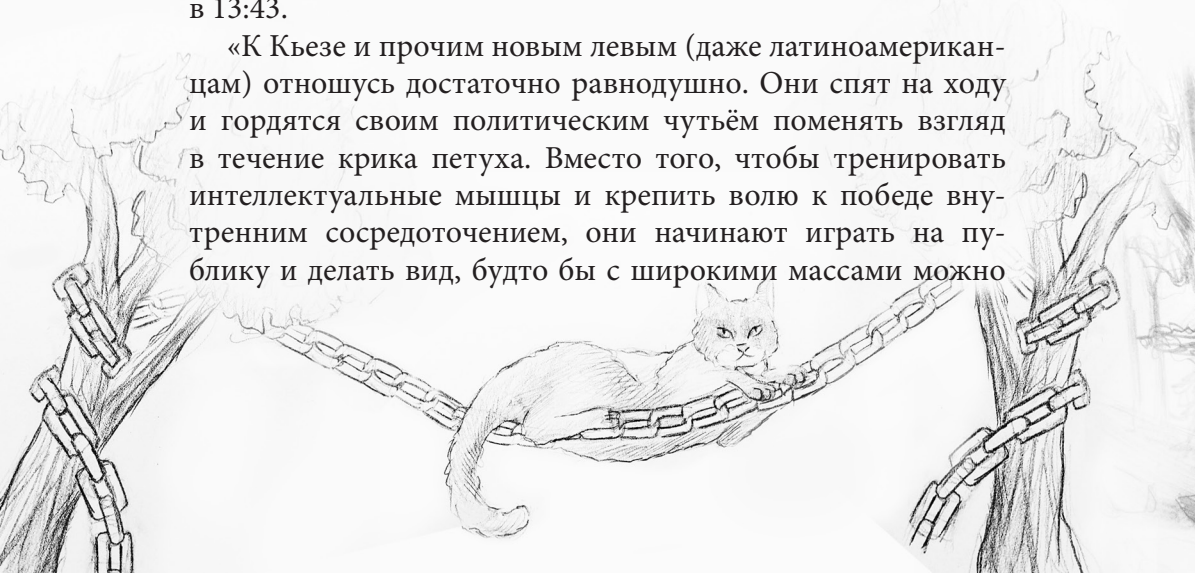
Господь опять выбирает Россию, как Адама, чтобы она назвала мир словно в первый день, чтобы у людей открылись глаза, и они впервые увидели, какое богатство им, дуракам, дано и как надо любяще ухватиться за него и догадаться, что вечность не отвеченное слово, а просто стоит за окном.

И смерти нет, потому что её не было в созданном Богом мире и Адам не знал её и не умел назвать, а раз нет имени, то нет и “вещи”. И вот тогда уж подлинно нет “ни эллина, ни иудея”, и лев ляжет с ягненком, и графу “национальность” можно смело изымать из паспорта, как и сам паспорт.

Но как сказать об этом в “блоге”, чтобы быть услышанным? Да и ведь это означает опять-таки необходимость принять на себя ответственность, а у нас на знамени написаны только права, права, права...»

Ответил Курбатову в тот же день, судя по памятке – в 13:43.

«К Къезе и прочим новым левым (даже латиноамериканцам) отношусь достаточно равнодушно. Они спят на ходу и гордятся своим политическим чутьём поменять взгляд в течение крика петуха. Вместо того, чтобы тренировать интеллектуальные мышцы и крепить волю к победе внутренним сосредоточением, они начинают играть на публику и делать вид, будто бы с широкими массами можно



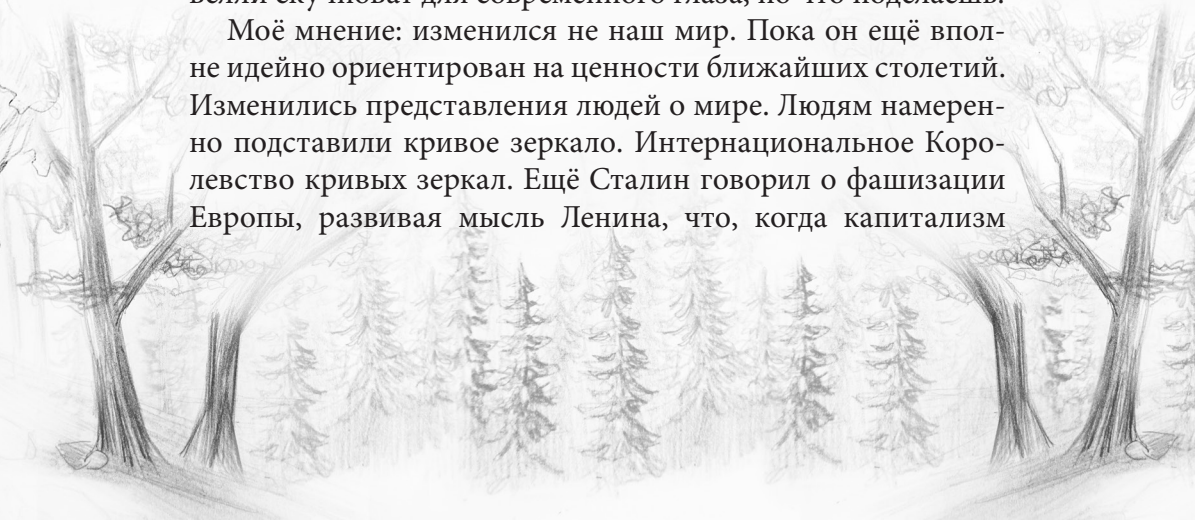
разговаривать в той же терминологии воды и пара. С массажи по-другому разговаривают, поверьте уж бывшему фрезеровщику 4 разряда.

Идея для масс должна быть предельно проста (не глупа, но именно проста!) той самой пушкинской простотой, что породила Ленина, Сталина, Гитлера, Мао, Лимонова... На самом деле интеллектуальное многословие новых левых, по-моему, – это всего лишь каша в их голове, попытки объяснить себе хоть как-то ускользающие в их понимании привычные контуры привычного мира.

Я лично не считаю, что наш мир с приходом новых технологий и прочей техногенной атрибутики очень уже сильно изменился. Тот же Къеза почему-то удивляется поездке итальянского премьера в Китай на встречу с Путиным. Искренне удивляется, что ещё удивительнее. Да, извините, любой руководитель, если он хочет полноценно руководить чем угодно, должен учитывать интересы ВСЕХ сторон! Я, хоть и небольшой начальник, но тоже иногда вынужден встречаться с людьми, с которыми мне НУЖНО встретиться, даже если непосредственные руководители будут недовольны и будут матюгать меня потом при каждом удобном случае. НУЖНО – значит, НУЖНО, это не столько политика, сколько логика поведения любого руководителя.

Не исключено, что и Путин всюю и регулярно встречается с Трампом, всего лишь не афишируя этих встреч. Макиавелли скучноват для современного глаза, но что поделаешь.

Моё мнение: изменился не наш мир. Пока он ещё вполне идейно ориентирован на ценности ближайших столетий. Изменились представления людей о мире. Людям намеренно подставили кривое зеркало. Интернациональное Королевство кривых зеркал. Ещё Сталин говорил о фашизации Европы, развивая мысль Ленина, что, когда капитализм



исчерпывает остальные средства для господствующего влияния, он начинает войну. Вот, к сожалению, мы и стоим сейчас в очередной раз перед этим страшным ощущением войны.

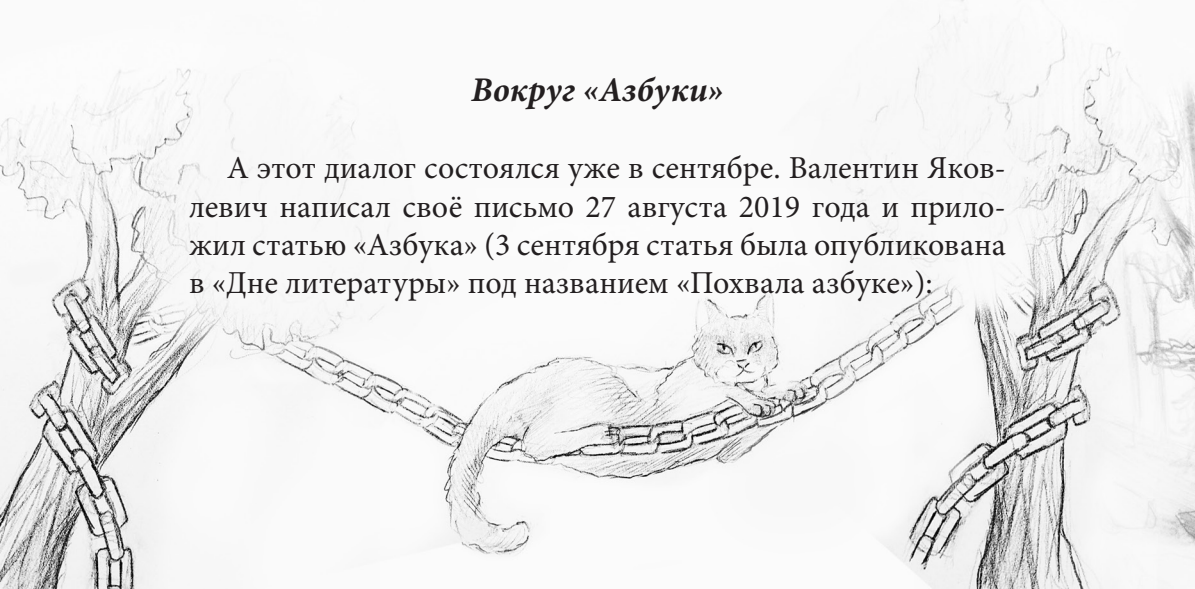
Ведь в чём реальный (не эмоциональный) урок Хиросимы, Чернобыля и Фукусимы? В том, что локальный ядерный заряд может быть успешно взорван и он, этот заряд, не принесёт ущерба сбросившему, если тот будет находиться на безопасном расстоянии. Вот, в общем-то, вкратце и всё, что капитализм реально вынес из трагедий Хиросимы и Чернобыля. Мне думается, что и Фукусима была устроена специально, как некое контрольное подтверждение двух предыдущих опытов.

Сейчас Запад, по-моему, выжидает момент для ядерного удара по России. И спастись мы не только должны, но и можем вот этим адамовым выбором, о котором Вы пишете. Эта Ваша мысль мне кажется очень точной интонацией очищения истинного значения слов и понятий от кривозеркальной их фальши.

Впрочем, Къезу почитал с интересом. Если откинуть его интернетовские благоглупости, то в целом позитивно. Глушик хорошее интервью сделала. А в Россию не верить – это всё равно, что в Бога не верить».

Вокруг «Азбуки»

А этот диалог состоялся уже в сентябре. Валентин Яковлевич написал своё письмо 27 августа 2019 года и приложил статью «Азбука» (3 сентября статья была опубликована в «Дне литературы» под названием «Похвала азбуке»):



«Нашел своё старое сочинение, однажды написанное к новому учебному году и так ни разу и не напечатанное, и вздохнул: а неча мудрить, проще надо писать. И вот только Вас и окликаю накануне первого сентября».

Статья мне, честно говоря, не понравилась. Ответил 29 августа: «Прочитал Вашу статью. Как всегда, умно и интересно. Хотя и не лишено двусмысленности.

Дословно: “В Сиене, в Италии, коли Бог приведет, загляните в Дуомо, главный собор, в капеллу Пикколомини, где фрески Пинтуриккио самой зари 16-го века пируют радугой такой яркости, что поневоле зажмуришься от этих карминов и лазурей...”

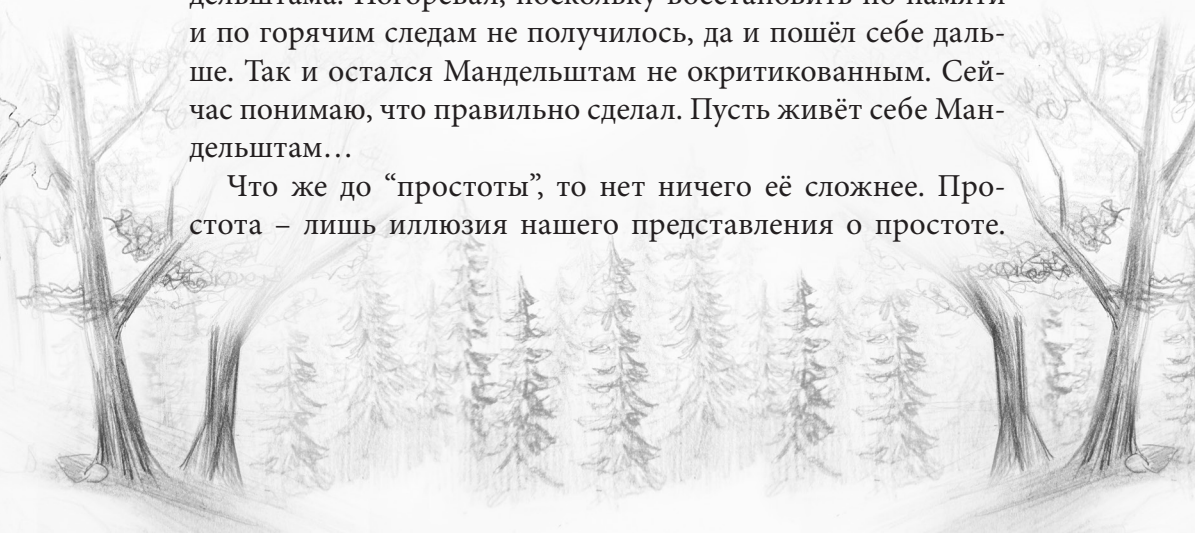
Бр-р-р...

Руси Велеса и Сварога, построившей Великую стену для защиты от Китая, Руси, прибавившей щит на воротах Царьграда, думаю, несолидно как-то апеллировать к опыту «цивилизованной Европы». В любом запахе домотканной портянки в конце трудового дня больше правды, чем в целом легионе Пикколомини.

Впрочем, Вы и сами почувствовали этот диссонанс, обратившись к мистическому опыту Хлебникова на десерт.

В ненапечатании в принципе ничего страшного нет. Возможно, так промысел оберегает нас от случайных слов. Я как-то при переезде потерял целую свою статью про Мандельштама. Погоревал, поскольку восстановить по памяти и по горячим следам не получилось, да и пошёл себе дальше. Так и остался Мандельштам не окритикованным. Сейчас понимаю, что правильно сделал. Пусть живёт себе Мандельштам...

Что же до “простоты”, то нет ничего её сложнее. Простота – лишь иллюзия нашего представления о простоте.



Пушкинские змеи

И вообще, чем элементарнее терминология, тем глубже получаются выводы».

Конечно же, Курбатов вряд ли всерьёз интересовался моим мнением. Возможно даже, что и статью свою он отправил в «День литературы» одновременно с письмом в Великие Луки. Но и позиции сторон он всегда стремился определить максимально чётко. Ответ пришёл 30 августа: «Это я так обозначаю “старинный спор славян между собою”, кхе-кхе...

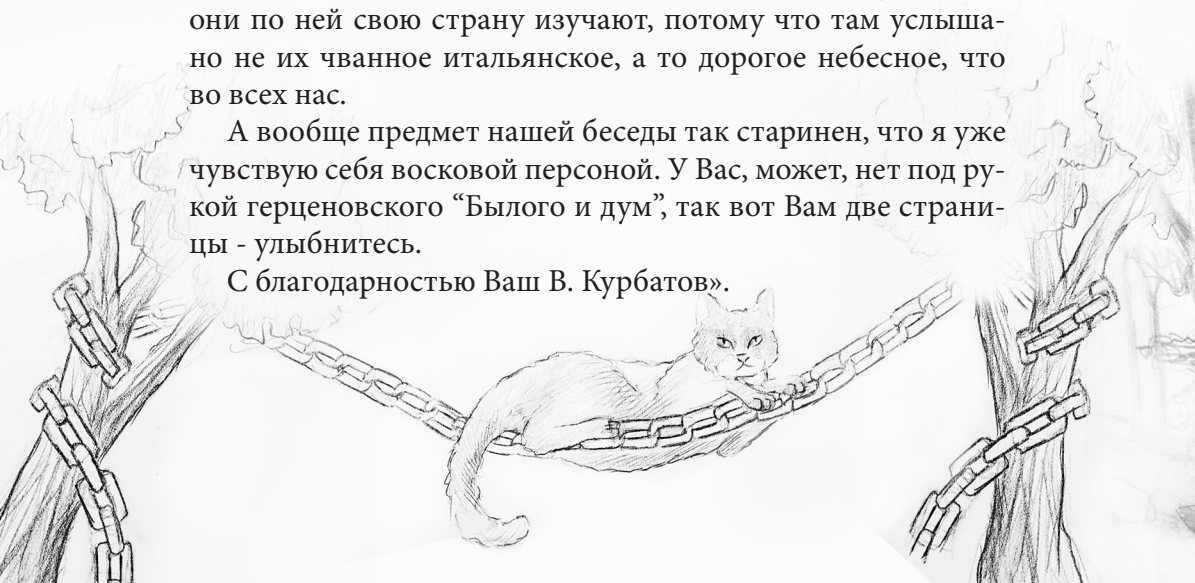
Как смешно Вы разгневались на мои воспоминания в “Азбуке” об Италии и Пинтуриккио: “Бр-р...” и отнесли их чуть не к искательству перед Западом. А я сам только смеялся, когда писал: и был-то в Италии три дня, а посмотрите, как “привычно”: “Заверните-де, в Сиене на Дуомо”..., буд-то я, как всякий русский человек, устал от этой Сиены, как от Опочки.

Это я как раз великорусское снисхождение к ним показал: красиво-де, ребята умеете писать, даже и наше сердце трогает. А действительно был восхищен простодушной красотой, которая тронула бы русских баб – уж больно похоже на наше понимание красоты.

Не оттого ли наша “всемирная отзывчивость” – мы ведь их хвалим, что они “тоже люди”, как мы, а не первее нас. Отчего первая в Италии книга “Образы Италии” П. Муратова – они по ней свою страну изучают, потому что там услышано не их чванное итальянское, а то дорогое небесное, что во всех нас.

А вообще предмет нашей беседы так старинен, что я уже чувствую себя восковой персоной. У Вас, может, нет под рукой герценовского “Былого и дум”, так вот Вам две страницы - улыбнитесь.

С благодарностью Ваш В. Курбатов».



2 сентября появилось ответное послание: «Не смог ответить сразу, так как прожорливая газета требует себе постоянных даров. Тем не менее, не могу не признать ту ловкость и остроумие, с которой Вами к теме привлечён был Герцен. Именно!

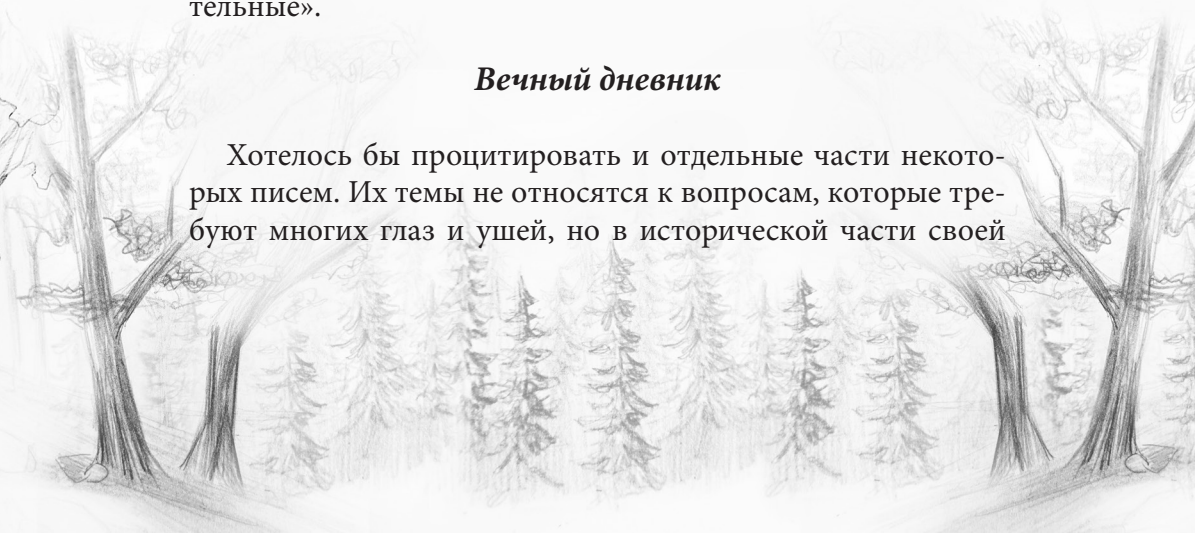
“Старинный спор” славян потому и старинен, что он может вестись и не между “славянами”, всё равно оставаясь “славянским”. И пруссы, какими бы ни были, ценны лишь тем, что жили возле русов (по руси). Эдакие издержки имперского сознания...

Спасибо за точность акцентов. Славянофилы действительно многое весьма упростили. Но, с другой стороны, обилие чувств всегда рождает излишество и некоторую извиняющую гиперболизацию. Штрихи малярной кистью при таком контексте неизбежны.

Что же до коллективного Пинтуриккио, то главное здесь, по-моему, не терять последовательности приоритетов и не плодить иллюзий. Многозначие креативно и маняще, но многозначие того же Хармса — уже элементарная шизофрения. Скучная и унылая, как рецепт врача. Полёт же всегда должен быть мотивирован не его желанием, а всего лишь наличием крыльев. Запад, увы, очень часто лишь хочет летать (в стиле Хармса), но инструментария нужного не имеет. Оттого и обилие виньеток и условностей. А всего-то крылья нужны. Из перьев и плоти, остальное – прилагательные».

Вечный дневник

Хотелось бы процитировать и отдельные части некоторых писем. Их темы не относятся к вопросам, которые требуют многих глаз и ушей, но в исторической части своей



интересны. В них тоже раскрывается Валентин Яковлевич. Раскрывается чётко, как в дневниках своих. «Дневник», пожалуй, – ключевой термин писателя Курбатова. Он всегда писал свой «дневник», даже если и назывался он как-то иначе.

17 мая 2019 года: «Я ведь живу немного в другом мире и давно не ведаю о тонкостях “литературного процесса”. И пишу заметки раз в год.

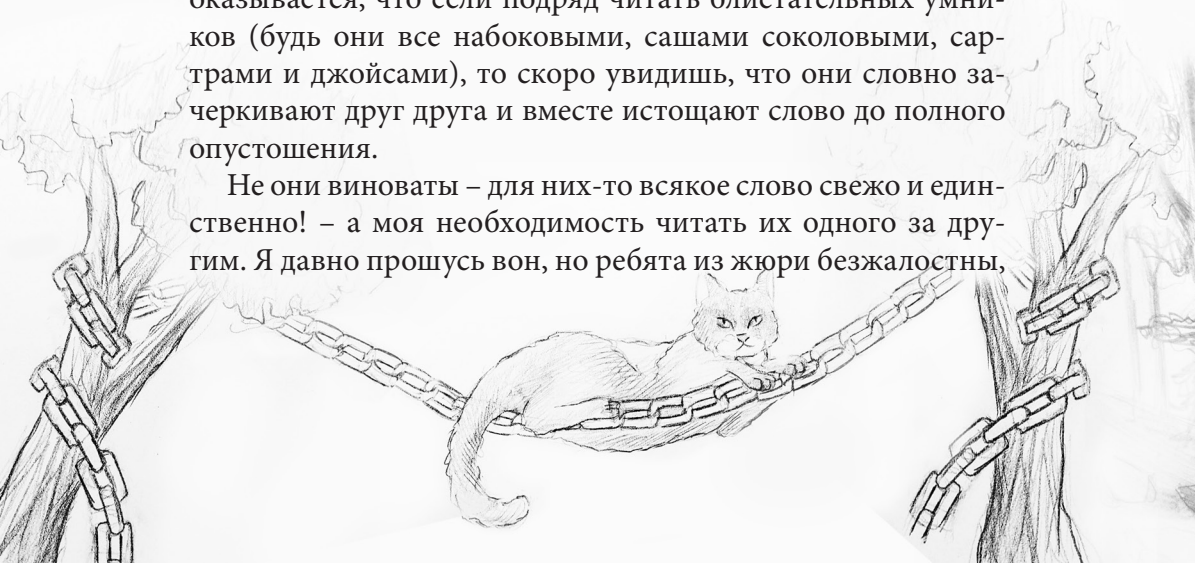
Всё время отнимают обязанности члена жюри Яснополянской премии, как до этого отнимали обязанности члена жюри “Национального бестселлера” и премии Аполлона Григорьева.

Хуже всех сейчас в “Ясной”. За лето надо прочитывать около сотни отечественных книг и полсотни иностранных. Вот в этом году было представлено на “Ясную” сто тридцать книг. Это ведь не “процесс”, а катастрофа. Это только лучших из лучших, достойных того, чтобы их прочитал Толстой, сто тридцать, а сколько же тогда вообще выходит книг?

И иностранцев сорок восемь. И не простых, а уже лауреатов Гонкуровской, Пулитцеровской, а четверо даже Нобелевской премии. Какой уж после этого слух? И какое внимание к оттенкам слова? Живым бы выйти...

К концу чтения наступает настоящее отравление и ненависть к слову. И написано большинство блестяще, а вот, оказывается, что если подряд читать блистательных умников (будь они все набоковыми, сашами соколовыми, сартрами и джойсами), то скоро увидишь, что они словно зачеркивают друг друга и вместе истощают слово до полного опустошения.

Не они виноваты – для них-то всякое слово свежо и единственно! – а моя необходимость читать их одного за другим. Я давно прошусь вон, но ребята из жюри безжалостны,



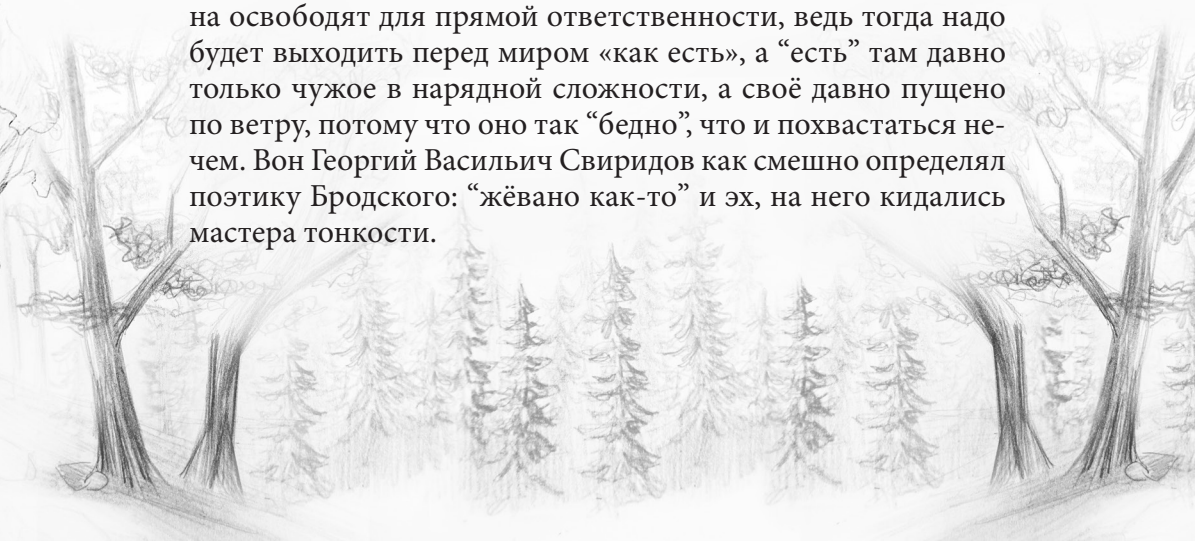
потому что это я один такой дурак, что читаю всех, а они, профессионалы, – первую страницу, среднюю и последнюю.

Поэтому мне, чтобы писать свою, хоть краткую заметку, надо сначала “сполоснуть сознание”, побыть в немоте, вернуть слову его адамово значение. На это уходит время».

19 мая 2019 года: «Я давно прячусь от всех политических игр и от всех лукавств умных идеологов, заряжающих “пушек” и норвежских сценаристов. Да и от наших борцов тоже, будь это Александр Проханов, Владимир Бондаренко или Захар Прилепин. Они ведь в общем тоже немного играют – в “пятую империю”, в противостояние власти.

А у Вас живая страсть оскорбленного сердца и поправного ума, а не “тексты колумнистов”, вроде Быкова или Шевченко, где больше кокетства и иронического щегольства. А Вы с детской открытой болью пытаетесь сказать самое простое и очевидное, что есть здравый смысл, который мы предали вместе с предательством Советского Союза, и есть прямое бесстыдство чужих вмешательств, которое тоже так очевидно, что не видеть это невозможно. Между тем мир прячется от простоты, потому что она слишком и ответственна, а за сложностью всегда легко укрыться в тонкости рассуждений.

И оттого я всё отчетливее вижу, что человека на “общественных полях” не спасти. Он и борясь с Вавилоном, останется пленником, и даже и обидится, если его от этого плена освободят для прямой ответственности, ведь тогда надо будет выходить перед миром «как есть», а “есть” там давно только чужое в нарядной сложности, а своё давно пущено по ветру, потому что оно так “бедно”, что и похвастаться нечем. Вон Георгий Васильич Свиридов как смешно определял поэтику Бродского: “жёвано как-то” и эх, на него кидались мастера тонкости.



А между тем Иосиф Александрович действительно плел более всего тех, кто скорее других угадывал, где он тайно процитировал Сократа, где намекнул на Милоша, где улыбнулся Сьюзен Зонтаг, потому что давно, прямо вместе с переездом “туда” переехал в библиотеку, где было легче укрыться от жизни и остаться поэтом. Вот и мы теперь в большинстве уже дети библиотеки и больше живём “текстами”, чем жизнью.

И “текстами” умными, сложными, ироническими, за которыми легче спрятать бедность. Между тем спастись можно только самым старинным и сто раз процитированным церковью правилом Серафима Саровского: “спаси себя сам и вокруг тебя спасутся тысячи”.

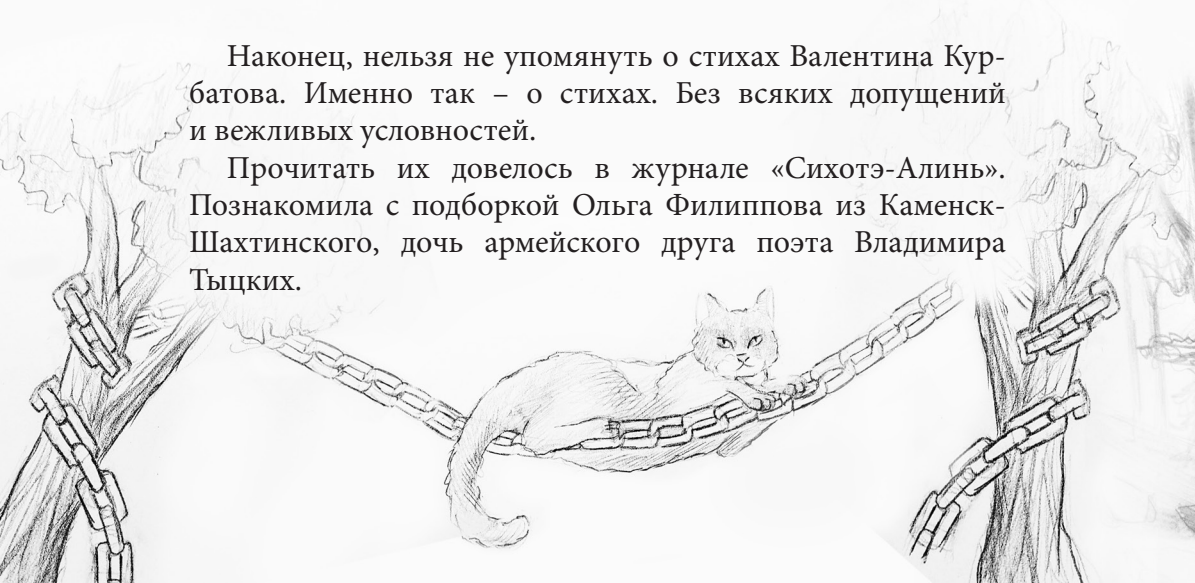
Вы, в сущности, зовете к тому же: к доверию своему сердцу и здравому смыслу. А мы уже давно и в матушке-церкви предпочитаем “внешность”, и давно по умному слову Толстого “православные из приличия”. (...)

Я никогда не был “писателем”, а тем более “критиком”, потому что никогда не чувствовал за собой права вразумлять кого-то, будучи сам вечным учеником и стеснительным деревенским подростком, который попал в “хорошее общество” и боится повести себя не так».

Единственное не по заказу

Наконец, нельзя не упомянуть о стихах Валентина Курбатова. Именно так – о стихах. Без всяких допущений и вежливых условностей.

Прочитать их довелось в журнале «Сихотэ-Алинь». Познакомила с подборкой Ольга Филиппова из Каменск-Шахтинского, дочь армейского друга поэта Владимира Тыцких.



*Смотри: это яблоня! Это скворец!
А ты их увидел как будто впервые.
Тебе, для тебя и с тобою Творец.
Всё живо вокруг, да вот мы неживые.*

Стихи были подлинными. Без особых изысков, но искренними и без многозначительного тумана.

В общем, когда встал вопрос о подготовке областного поэтического сборника, то сразу же отправил Вите Пшеничной стихи Курбатова. Вита согласилась 9 января 2020 года: «Уверена, что надо. Не уверена, что В. Я. согласится. Но попробуем и согласуем».

Не дожидаясь «согласования» сам отправил 13 января Валентину Яковлевичу встречное письмо:

«Здравствуйте, Валентин Яковлевич!

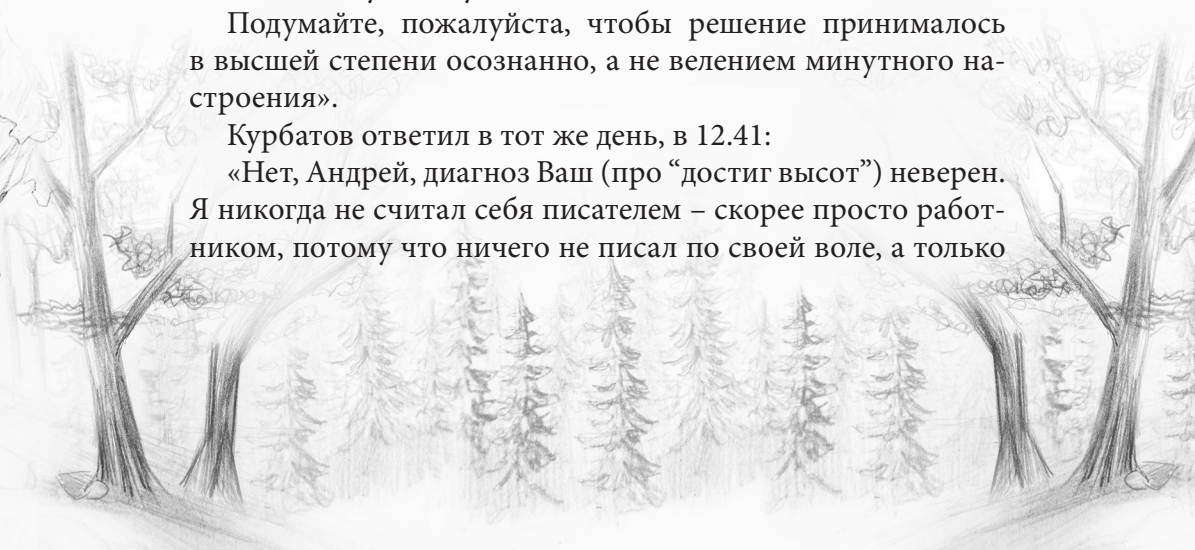
Узнал о Вашем отказе от публикации стихов в сборнике по линии СП. Считаю это решение неправильным. Вы, по-моему, повторяете ошибку Бологова, полагая, что Вы достигли таких высот, что заслуживаете автоматических похвал, вне качества написанного.

В творчестве между тем ничего автоматического не существует, и я лично полагал бы необходимым публикацию Ваших хороших (объективно!) стихов. У Вас реально есть СТИХИ и это не вежливый реверанс, а истинная правда. Во всяком случае, я убеждён в сказанном.

Подумайте, пожалуйста, чтобы решение принималось в высшей степени осознанно, а не велением минутного настроения».

Курбатов ответил в тот же день, в 12.41:

«Нет, Андрей, диагноз Ваш (про “достиг высот”) неверен. Я никогда не считал себя писателем – скорее просто работником, потому что ничего не писал по своей воле, а только



Пушкин жив

выполнял просьбы авторов, журналов. “Стихи” были единственным писанным не по заказу. Они были просто “коротанием времени” на дачке. Просто дисциплиной ума, чтобы не терять формы для прямой работы. Напечатал раз просто для улыбки, что вот-де, чем старик тешится. Простите. А ставить их рядом с настоящей поэзией – это конфузить и меня, и сам сборник, и составителя.

Обнимаю Вас».

Оцените эту степень деликатности и совестливости человеческой и творческой! Иные графоманы на стену полезут ради публикации, а тут человек отказывается, даже имея неоспоримые и полноценные произведения. Конфуз?

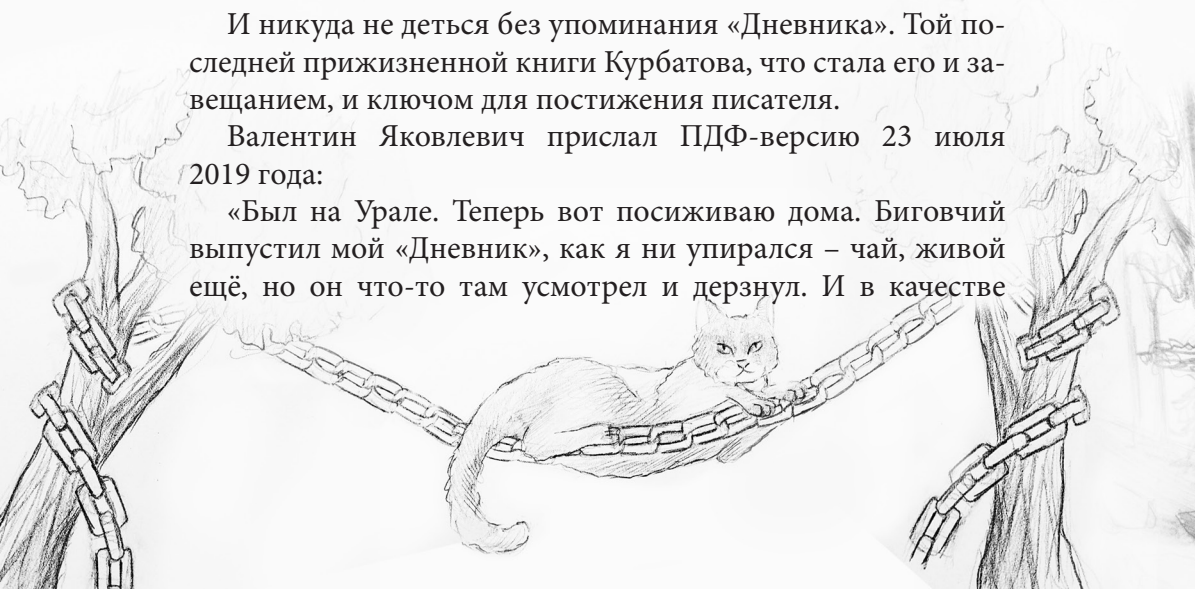
*Накрутишься за день и взглянешь в окно,
А там догорает сиятельный вечер...
Механик-Господь крутит то же кино –
Сюжет его прост, ненагляден и вечен.
А ты, милый мой, всё куда-то бежишь,
Всё новости ищешь, летишь без оглядки.
А только и тайны, что стой, где стоишь,
И всё будет ясно, всё будет в порядке.*

Изначально не прочитан

И никуда не деться без упоминания «Дневника». Той последней прижизненной книги Курбатова, что стала его и завещанием, и ключом для постижения писателя.

Валентин Яковлевич прислал ПДФ-версию 23 июля 2019 года:

«Был на Урале. Теперь вот посиживаю дома. Биговчий выпустил мой «Дневник», как я ни упирался – чай, живой ещё, но он что-то там усмотрел и дерзнул. И в качестве



гонорара прислал одну книжку. Хорошо я, как старый еврей, утаил от него вёрстку без обложки и теперь хоть ею могу подтвердить, что книжка есть. Вот посылаю для отчета.

Ваш В. Курбатов».

До сих пор перечитываю этот «Дневник». Его, наверное, и невозможно читать по порядку, страница за страницей. Открываю часто там, где откроется. Эту философию в чистом виде. Квинтэссенцию мысли. Чисто поэтическое умение увидеть невидимое в очевидном.

Запись за 28 ноября 1985 года: «Однажды среди старых фотографий, которые оседают в наших домах, как пыль времени, я вдруг увидел, что часто снимаю окна. В деревнях, гостиницах, в домах, куда заносила судьба и под рукой оказывался фотоаппарат. Просто подходил к окну и снимал, не заботясь, чтобы в кадр попадало что-нибудь замечательное. Это было и не фотография, а так – настройка света и впечатления. А вот сейчас смотрю на эти ничего не содержащие снимки – и рама растворяется, врывается шум ветра, голоса и входит простое, как этот случайный снимок, воспоминание...»

Всего несколько фраз. А здесь и душа разом, и взгляд, и отношение...

Курбатов изначально не прочитан. Не потому, что не читали. А потому, что попросту невозможно в одну жизнь вместить столько впечатлений и людей. Вместить и оставить в себе. Навсегда. До весеннего мартовского дня. И дальше.

9 марта 2021 г.

